

Куньпэн выглядел вызывающе, словно уже считал себя безусловным победителем в этом противостоянии. Он злобно прошипел:

— Хунъюнь, ты ведь должен понимать, почему я поджидаю тебя здесь. Не будем тратить слова попусту: отдавай Пурпурный Дух Хунмэн и уничтожай собственное тело, тогда я, быть может, позволю твоему Изначальному духу спокойно уйти.

В его взгляде читались алчность и решимость. Казалось, стоит Хунъюню лишь подчиниться, как всё исполнится по его желанию: упущенный шанс стать святым будет восполнен иным путем, а гложущая сердце ненависть наконец утихнет.

Хунъюнь, услышав это, сперва опешил. На его лице отразилось недоумение — он никак не мог взять в толк, почему дело дошло до смертельной вражды. Он ответил миролюбиво:

— Друг мой Куньпэн, какая между нами вражда, чтобы доходить до такой схватки не на жизнь, а на смерть?

— Хунъюнь, ты уступил свое место во дворце Цзысяо и лишил меня шанса на святость! Эта ненависть бесконечна, и лишь твоя гибель и рассеивание твоего духа смогут разорвать эту причинно-следственную связь! — Куньпэн говорил сквозь зубы, словно выдавливая каждое слово. Ненависть в его глазах горела настоящим пламенем, готовым поглотить предка Хунъюня.

Хунъюнь помолчал. Несмотря на то, что его тяготила и печалила подобная одержимость Куньпэна, врожденная гордость не позволила ему отступить. Он прямо посмотрел на противника и твердо произнес:

— Я лучше стану разбитым нефритом, чем целой черепицей. Куньпэн, сразимся!

Как только слова сорвались с его губ, Хунъюнь взял в левую руку красную Тыкву Девяти-Девяти Рассеивания Душ. Та испустила таинственное сияние, пронизанное мощными колебаниями духовной энергии.

Сложив пальцы правой руки в мудру перед грудью, он начал шептать заклинание. В ответ на его слова тыква стала расти на глазах, в мгновение ока увеличившись в несколько раз. Вскоре из ее горлышка хлынул поток алого песка. Этот песок был ослепительно красив, словно вечерняя заря, но таил в себе смертельную опасность. Подобно приливной волне, он устремился к Куньпэну.

Куньпэн, не смея медлить, сосредоточился. В его море сознания тотчас явился дворец Бэймин, величественно возникнув над его головой.

Дворец Бэймин излил потоки духовного света, которые, подобно живым лентам, заструились

вокруг него, создавая непробиваемую защиту. Затем Изначальный дух Куньпэна, мобилизовав все силы, начал непрерывно вливать энергию в заранее расставленный на горе Юньло массив убийства.

В одно мгновение бесчисленные потоки зловещей энергии ветра и воды слились воедино, превратившись в сокрушительную мощь, которая подобно гигантскому валу обрушилась на предка Хунъюня.

Заметив это, Хунъюнь поспешил применить технику движения. Над его головой возникло ослепительное красное облако, и как только оно появилось, всё пространство в радиусе ста чжанов погрузилось в сияние зари.

В то же время Изначальный дух Хунъюня изо всех сил направлял энергию в красную тыкву. В тот же миг из ее горлышка ударил мощный луч красного света, подобный раскаленному клинку. Он устремился к Куньпэну, заставляя пространство вокруг вибрировать от своей колоссальной мощи.

Куньпэн, увидев летящий в него луч, внутренне содрогнулся. Не смея проявлять беспечность, он снова задействовал силы своего сознания, активируя защитные массивы вокруг и дополняя их светом, исходящим от дворца Бэймин, чтобы из последних сил отразить атаку тыквы Хунъюня.

Одновременно с этим, желая как можно скорее взять верх, Куньпэн увеличил приток энергии в массив убийства, стремясь подавить противника еще более яростным натиском.

В ходе этой ожесточенной схватки чаша весов начала склоняться не в пользу Хунъюня. Сияние над его головой стало тускнеть и дрожать, превращаясь в подобие гаснущего на ветру пламени.

Сердце Хунъюня сжалось. У него не оставалось иного выбора, кроме как продолжать вливать остатки сил в красное облако в надежде удержать положение, но энергия истощалась слишком быстро, и он чувствовал, что слабеет.

Битва над горой Юньло длилась уже почти год. В течение этого времени отголоски сражения постоянно терзали окрестное пространство, заставляя склоны горы Юньло содрогаться, словно сама земля стонала от этой яростной схватки.

Куньпэн, обладая преимуществом времени и места, использовал заранее подготовленный массив сбора духовной энергии, который непрерывно питал его, позволяя восполнять потери. Его энергия не иссякала, дворец Бэймин надежно висел над головой, а исходящий от него свет служил верным стражем, защищающим его тело, в то время как потоки зловещей энергии продолжали атаковать Хунъюня.

Положение Хунъюня, напротив, стало критическим. Он убрал красную тыкву в море сознания,

а алое облако над его головой, некогда достигавшее десяти тысяч чжанов, теперь съежилось до пары чжанов, потускнело и едва держалось, готовое рассеяться в любой момент.

За этот год сражений все его запасы пилюль, целебных трав и духовных плодов были исчерпаны, а энергия в море сознания подходила к концу. Теперь он из последних сил поддерживал облако, напоминая утлую лодчонку, отчаянно борющуюся с яростным штормом.

Куньпэн, увидев это, самодовольно усмехнулся. Глядя на мертвенно-бледного предка Хунъюня, он насмешливо произнес:

— Хунъюнь, бросай сопротивляться. Я расставил вокруг сети, от которых тебе не уйти. Если отдашь Пурпурный Дух Хунмэн и уничтожишь тело, мое обещание остается в силе — я отпущу твой Изначальный дух.

В его глазах Хунъюнь был уже пойманной в ловушку дичью. Стоило тому проявить благоразумие, и схватка закончилась бы, а он получил бы желаемое.

Хунъюнь не удостоил Куньпэна ответом, молча продолжая питать облако энергией. В глубине его духа лихорадочно искали пути к спасению, и он был настолько сосредоточен, что всё вокруг перестало для него существовать.

Однажды Пурпурный Дух Хунмэн в Изначальном духе Хунъюня дрогнул. Спустя мгновение Хунъюнь с горьким и безнадежным выражением лица возвел очи к небу и тяжело вздохнул:

— Воля Небес играет людьми... Что ж, пусть так. Мастерству не превзойти предначертанное.

Сказав это, он повернулся к Куньпэну и с ненавистью произнес:

— Куньпэн, ты всего лишь пешка Небесного Пути. Наша причинно-следственная связь не оборвется никогда.

В его словах сквозило презрение к противнику и гнев на судьбу. Даже оказавшись в безвыходном положении, он не утратил ни своей гордости, ни одержимости кармой.

После этих слов Хунъюнь решился. Больше не колеблясь, он направил остатки энергии и в одно мгновение взорвал свое тело и большую часть Изначального духа.

В тот же миг высвободилась разрушительная сила. Подобно цунами, она в одночасье уничтожила массив над горой Юньло. Мощная ударная волна разнеслась во все стороны, сотрясая всю гору Юньло — казалось, настал конец света.

Остатки Изначального духа Хунъюня, подхватив красную тыкву, изо всех сил устремились

прочь в виде радуги. Драгоценный Пурпурный Дух Хунмэн мелькнул в воздухе и исчез, словно тоже спасаясь от этого страшного бедствия.

Еще до того, как стихли последние слова Хунъюня, Куньпэн почувствовал неладное. Вскинув руки, он без промедления влил всю свою энергию в окружающий массив и дворец Бэймин, пытаясь отразить внезапный смертельный удар.

Но было слишком поздно. Мощь самоподрыва Хунъюня оказалась колоссальной: окружающие массивы были мгновенно разрушены, а дворец Бэймин, прежде незыблемо паривший над головой Куньпэна, был отброшен мощным потоком воздуха, словно сухой лист на ветру.

Когда энергия улеглась, Куньпэн предстал в жалком виде: его роскошные одежды превратились в лохмотья, всё тело было покрыто ранами, из которых сочилась кровь. Лицо его было бледным как полотно, он то и дело сплевывал кровь, а сам едва держался на ногах, готовый упасть от малейшего дуновения ветра.

Его глаза пылали яростью, способной испепелить всё вокруг. Не в силах больше сдерживать гнев, он взревел:

— Хунъюнь, чтоб тебя!

Эта грубая брань эхом разнеслась над безмолвной горой Юньло, подчеркивая его жалкое и гневное состояние.

Выругавшись, Куньпэн, преодолевая боль, тщательно обыскал всё вокруг, пытаясь найти остатки Изначального духа Хунъюня и след Пурпурного Духа Хунмэн, но поиски не дали результатов.

В отчаянии он обернулся в свой истинный облик Куньпэна. Его гигантская фигура выглядела крайне удручающе: хлопая крыльями, он в одиночестве полетел в сторону моря Бэймин, оставив позади разоренную гору Юньло, словно безмолвного свидетеля только что произошедшей ужасной битвы.

После гибели Хунъюня содрогнулся весь мир Хунхуан. Мощная ударная волна, казалось, достигла каждого уголка земли. В радиусе миллиона ли вокруг горы Юньло хлынул кровавый дождь — небеса словно оплакивали падение предка Хунъюня. Все живые существа издавали скорбные крики, и этот плач долго разносился над великой землей, словно выражая глубокую печаль и сожаление об уходе столь могущественного существа.

В девятистах миллионах ли к востоку от горы Бучжоу возвышалась величественная гора Ваньшоу, а обитель Учжуан была известна на весь свет. Внутри нее Чжэньюаньцзы погрузился в медитацию, окруженный потоками духовной энергии, которые, казалось, образовывали вокруг него таинственный световой занавес.

Внезапно сердце Чжэньюаньцзы дрогнуло, словно невидимая рука сжала его в тисках. Это внезапное чувство разрушило покой его практики.

Он немедленно прервал медитацию и медленно открыл глаза, в которых отразились удивление и тревога. Затем он поднял взгляд к небу, нахмутив брови, будто пытаясь разглядеть что-то в бескрайней лазури.

Чжэньюаньцзы быстро начал считать на пальцах, и по мере того, как его пальцы двигались, лицо его становилось всё мрачнее, а в глазах разгорался огонь гнева.

Спустя мгновение, не в силах больше сдерживаться, он резко встал и превратился в поток света, стремительно направляясь к пещере Хоюнь.

Его фигура прочертила в небе длинный след, а в воздухе эхом застыли полные горя и ярости слова:

— Куньпэн, я буду преследовать тебя до самого конца!

В его голосе слышалась невыносимая боль от утраты друга и лютая ненависть к поступку Куньпэна. Казалось, он готов превратить эту скорбь в реальную силу, чтобы добиться справедливости для Хунъюня.

Во дворце Цзысяо, что в хаосе за пределами небес, Даос Хунцзюнь восседал на своем высочайшем троне, излучая бесконечное величие и таинственность.

Он бросил легкий взгляд на происходящее в мире Хунхуан. Его взгляд был настолько глубоким, что, казалось, проникал в самую суть причинно-следственных связей, однако невозможно было понять, что у него на уме. Вскоре он бесстрастно закрыл глаза, словно всё случившееся в мире Хунхуан было лишь предопределенным ходом судьбы, который развивался под его контролем и не требовал вмешательства.

В хаосе за пределами небес Нюйва была полностью поглощена работой, взмахивая котлом Цянькунь и разбивая энергию хаоса. Каждый взмах сопровождался мощными колебаниями духовной силы, и энергия хаоса, ударяясь о котел, медленно рассеивалась, освобождая место для творения нового мира.

В момент гибели Хунъюня она, словно почувствовав неладное, замерла. Повернувшись в сторону мира Хунхуан, она увидела происходящее, и на ее лице отразилась печаль, а в глазах — сожаление и сострадание.

Спустя мгновение Нюйва глубоко вздохнула, в ее глазах вновь зажглись решимость. Она твердо повернулась и снова взмахнула котлом Цянькунь, нанося удар по хаосу.

— Ах...

Тихие вздохи раздавались во многих пещерах и благословенных землях мира Хунхуан. На горе Куньлунь, горе Сумеру и в других святых местах великие мастера, скрывавшиеся от мира, также почувствовали гибель Хунъюня. Их сердца были полны сожаления и тревоги из-за того, что ситуация в мире Хунхуан становилась всё более непредсказуемой. Эти вздохи, наполненные сложными чувствами, эхом разносились по долинам, окутывая весь мир тяжелой атмосферой.

На Небесном Дворе мира Хунхуан Дунхуан Тай-и стоял, заложив руки за спину, и с тяжелым взглядом смотрел на происходящее, чувствуя скорбь о гибели равного. Он слегка нахмурился и с глубоким чувством произнес:

— Эх, брат, Хунъюнь вот так погиб.

Стоявший рядом Ди Цзюнь также был мрачен. Он молча наблюдал за всем этим. Примерно через полчаса он тихо пробормотал:

— Время не ждет. Нужно ускорить шаги.

Он понимал, что ситуация в мире Хунхуан меняется мгновенно, и гибель каждого врожденного божества — словно тревожный звонок, призывающий их планировать развитие и будущее, не допуская ни малейшего промедления.

— Ох, неужели погибло врожденное божество?

У подножия горы Бучжоу, из Дворца Паньгу донесся голос, полный сострадания. Он тихо разносился по огромному залу, звуча особенно одиноко.

Все присутствующие во дворце погрузились в тяжелую атмосферу. Никто не ответил. Дворец вновь погрузился в бесконечную тишину, словно время остановилось, и лишь невыразимая печаль и растерянность перед будущим окутывали это место, хранящее память о великом прошлом.

<http://bllate.org/book/18513/1779533>